

ЛЕММА

СЕМЬ СЕКУНД

АРТЕМ ПАУК

Артем Паук
Лемма. Семь секунд
Серия «Лемма», книга 1

<https://litres.ru/74404037>

SelfPub; 2026

Аннотация

12 августа 2026 года интернет заранее называет точную секунду катастрофы. В 20:47 по Петербургу всё, что не закреплено, отрывается от пола, поднимается в воздух — и через семь секунд рушится обратно.

Системный инженер и фактчекер Глеб Руднев выходит в эфир ровно перед Событием, разбирая вирусную подделку. Для миллионов зрителей этого достаточно: виновник найден. Пока мир считает погибших и ищет объяснения, Глеб вместе с Надеждой Корсаковой, сотрудницей Института земного магнетизма, пытается доказать, что предупреждение не было шуткой. Их единственный союзник — Лемма, локальный ИИ, умеющий связывать обрывки данных, старые журналы и следы, которые другие предпочли не заметить.

Расследование приводит их к засекреченному объекту на Ладогe, к архиву нацистского «особого дела» и к людям, чья власть не нуждается ни в удостоверениях, ни в приказах. Но за Событием стоит не заговор ради власти. Это попытка

предотвратить сигнал, который Земля не должна посылать в космос.

Содержание

ПРОЛОГ. Красная тройка	5
ЧАСТЬ I. СОБЫТИЕ СЕМИ СЕКУНД	12
Глава 1. Нулевая гипотеза	12
Глава 2. Семнадцать сорок семь	25
Глава 3. Семь секунд	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лемма. Семь секунд

ПРОЛОГ. Красная тройка

8 июня 2026 года. Вашингтон. Служебный сад Белого дома. 18:12 EDT.

Старший офицер службы безопасности Маркус Хейл получил распоряжение в 17:46.

Распоряжение состояло из одной строки, не имело ни имени отправителя, ни нормального номера допуска.

«Южный служебный вход. Три гостя. Без фотографий. Без журнала посещений. Личное сопровождение — К. Ветрова.»

Хейл перечитал текст дважды. В здании, где каждую минуту кто-нибудь требовал особого отношения, он научился не удивляться странным приказам. Но этот был неправильным даже по меркам его работы.

Нормальный допуск оставлял след: ведомство, фамилию, время, чей-то электронный ключ. Здесь был только старый латинский штамп внизу страницы, который система не сумела перевести.

Salus mundi. Suprema lex.

Хейл знал достаточно латыни, чтобы понять отдельные слова. Безопасность мира. Высший закон.

Это не сделало бумагу понятнее.

У южной калитки его уже ждала женщина в тёмном костюме, слишком лёгком для влажной июньской жары. На вид — лет тридцать пять, может, сорок. Тёмные волосы собраны в тугой узел. Ни украшений, ни сумки. Она стояла так, будто сад был её собственной территорией, а не самым охраняемым газоном в стране.

— Офицер Хейл? — спросила она.

— Кто вы?

Она достала из внутреннего кармана маленький титановый диск и положила его ему на ладонь.

Диск был тяжёлым, тёплым, с тремя тонкими лучами, расходившимися из центра. Никакого номера. Никакой подписи.

— Кира Ветрова. Мне нужно провести делегацию к месту встречи.

— Мне нужно увидеть документы делегации.

— Вы уже их видели.

— Я видел сообщение без отправителя.

— Значит, вы видели ровно столько, сколько вам позволено.

Он не любил таких людей. Они приходили с улыбкой и тайной, которую предлагали принять вместо объяснения. Обычно за ними стоял кто-то из администрации, разведки или военных. Иногда — люди, о которых лучше было не спрашивать.

Хейл вернул диск.

— Где гости?

Кира кивнула на чёрный фургон у служебной дороги.

Дверь открылась.

Сначала вышел мужчина. Он был выше Хейла почти на голову, хотя Хейл редко смотрел на людей снизу вверх. Белые волосы падали ему на плечи ровным, тяжёлым полотном. На нём был тёмный плащ, а под ним — красный мундир с золотыми застёжками. Не карнавальный, не театральный. Сшитый настолько хорошо, что костюм казался старой военной формой из мира, которого Хейл никогда не видел.

За ним вышли ещё двое.

Такие же высокие. Такие же беловолосые. Те же красные мундиры.

Они не оглядывались. Не шурились на вечерний свет. Не обменивались ни словом. Просто встали рядом, совершенно одинаково держа руки вдоль тела.

Хейл машинально коснулся гарнитуры.

— Оружие?

— Нет, — ответила Кира.

— Вы проверяли?

— Да.

— Лично?

— Лично.

Он не поверил. Но металлодетектор, который охрана провела вдоль каждого гостя, тоже ничего не нашёл. Прибор коротко пискнул у груди первого беловолосого, потом погас.

Его оператор нахмурился, повторил проверку и растерянно пожал плечами.

— Техника старая, — сказал Хейл.

— Техника часто ошибается, — ответила Кира.

Первый из троих повернул к ней голову.

— Приборы не ошибаются. Они измеряют то, что способны измерить.

Голос у него был низкий и ровный. Без акцента, который Хейл смог бы назвать. Без интонации, которую можно было бы запомнить.

Кира ничего не ответила.

Они прошли через сад по дорожке между подстриженными кустами. На другой стороне лужайки ожидали несколько человек: советник по национальной безопасности, женщина из аппарата вице-президента, двое военных. Президент Дональд Трамп стоял спиной к ним у круглого столика под тентом. Рядом был только помощник, державший тонкую папку.

Хейл остановился на положенном расстоянии. Его задача была простой: следить за руками, за лицами, за дверями, за любой вещью, которая могла пойти не так.

Но с этой минуты ему казалось, что здесь всё уже пошло не так — просто остальные ещё не получили уведомление.

Первый беловолосый подошёл к столику. Снял перчатку. Кожа на его руке была почти бесцветной.

Он положил перед президентом серую папку без герба.

— Дата: двенадцатое августа. Время: семнадцать сорок

семь ноль пять по всемирному времени.

Помощник президента нахмурился.

— Что произойдёт?

— Приборы на короткое время могут солгать.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который снижает риск.

Советник по безопасности шагнул вперёд.

— Снижает риск чего?

Второй беловолосый посмотрел на него. Не угрожая. Не испытывая. Просто глядя.

— Не позволяйте автоматике убивать за вас.

В саду стало тихо.

Трамп не обернулся. Он медленно раскрыл папку. Хейл видел только поля листов и одну короткую строку, напечатанную сверху крупными буквами:

MANUAL CONTROL / 12 AUG / 17:47:05 UTC

— Вы хотите остановить транспорт? — спросил помощник.

— Нет, — сказала Кира. — На пятнадцать минут переведите критические решения на человека. Поезда — на ручной контроль. Энергетику — на резервные инструкции. Военным не принимать необратимых решений только по показаниям экранов.

— На каком основании?

Она посмотрела на титановый диск в своей ладони.

— На основании того, что мы пришли сюда заранее.

Это была плохая фраза. Хейл понял это по лицам людей у стола. Она не убеждала — требовала поверить. Но в папке, должно быть, было что-то ещё. Президент перелистнул страницу, задержался на ней, потом коротко кивнул помощнику.

— Подготовьте закрытое уведомление. Без публичного выпуска.

— Господин президент...

— Без публичного выпуска.

Хейл увидел, как Кира на секунду закрыла глаза.

Не облегчение. Скорее подтверждение того, чего она боялась.

Третий беловолосый всё это время молчал. Теперь он произнёс:

— Передача завершена.

Троица развернулась одновременно.

Когда они проходили мимо Хейла, он заметил у Киры на запястье тонкую белую полосу старого шрама. Не боевого — похожего на след от браслета, который носили слишком долго.

— Кто они? — спросил он тихо.

Кира не замедлила шаг.

— Те, кого вы не видели.

— Я видел их достаточно хорошо.

— Тогда не верьте собственным глазам, офицер.

Они ушли к фургону. Дверь закрылась. Машина тронулась без sireны, без сопровождения, словно увозила обыч-

ных чиновников после скучной вечерней встречи.

Хейл ещё несколько минут стоял у калитки. Потом вернулся к посту и потребовал выгрузить камеры с южной лужайки.

Дежурный техник покачал головой.

— За последние двадцать минут пусто. Камеры смотрели в сад, но файлов нет.

— Система упала?

— Нет. Просто... интервал в журнале закрыт.

Хейл посмотрел на тёмный монитор.

— Кто закрыл?

Техник пожал плечами.

— Не знаю.

За кустами на газоне работал пожилой садовник. Он сгреб влажные листья в пластиковое ведро и время от времени поглядывал в сторону служебной дороги.

Когда фургон исчез за воротами, садовник достал телефон. На экране дрожала смазанная фотография: сквозь ветви были видны тёмный силуэт президента и три красных пятна рядом с ним.

Он не знал, зачем сделал снимок.

Ему просто показалось, что однажды никто не поверит, будто он это видел.

ЧАСТЬ I. СОБЫТИЕ СЕМИ СЕКУНД

Глава 1. Нулевая гипотеза

12 августа 2026 года. Санкт-Петербург. 09:14 MSK.

Красная вспышка на левом запястье пульсировала с частотой аритмичного бреда.

182 уд/мин.

Глеб сбавил каденс, перехватил влажный от пота руль и коротко, зло выдохнул.

Если бы кремниевая игрушка за восемьдесят тысяч рублей не врала, он бы уже не крутил педали вдоль гранитных парапетов Обводного канала. Он валялся бы на асфальте среди масляных пятен и окурков — с раздувающимися ноздрями, ослепший от гипоксии, в ожидании реанимобиля с дефибриллятором. Но в груди не рвались клапаны. Легкие держали рабочий ритм — глубокий, тяжелый, ровный. Ноги налились свинцом после затяжного подъема на мост, однако это была честная мышечная усталость, а не агония инфаркта миокарда.

Он нащупал под мокрой тканью джерси прорезиненный ремень нагрудного датчика. Прижал палец.

147 уд/мин.

— Собака брешет — караван идет, — бросил Глеб наручному экрану. — Из нас двоих пульс есть у меня, а врешь почему-то ты.

Он зажал тормоза. Колодки сухо взвизгнули о карбоновый обод.

Под массивными сводами железнодорожного виадука пахло гнилой речной тиной, стылым влажным бетоном и несгоревшим дизелем. По каналу, тяжело взрезая темную жижу, полз буксир. Короткая, мутная волна ударила в гранитную набережную, раскололась и отхлынула серой дрожащей пеной.

День начался без пощады к сухожилиям: в шесть утра — километр в ледяной воде закрытого бассейна, следом — тридцать километров на шоссе против балтийского ветра. Беговой отрезок оставался на сумерки, если мозги не закипят раньше времени. Глеб не считал себя спортсменом и терпеть не мог марафонский пафос. Просто человеческое тело, лишенное перегрузок, быстро превращалось в дряблый мешок с требухой, а голова отказывалась просчитывать сложные графы, если сердце начинало задыхаться на третьем этаже. Выносливость подкупала его абсолютной честностью. В ней не было места красноречию, венчурным презентациям и красивым отчетам: либо ты дотянул до финиша на собственных связках, либо сдох у обочины.

До кирпичных ворот бывшего приборостроительного за-

вода на Обводном он добрался за двадцать минут. Во внутреннем дворе-колодце, среди выбоин в брусчатке, пожилой дворник в оранжевом жилете скреб метлой палые мокрые листья, сбивая их в черные мусорные мешки, и орал в гарнитуру:

— Какая еще невесомость, э-э?! Мусор сам себя до контейнера не донесет, начальник\!

Глеб закинул раму на плечо и потащил велосипед вверх по крутой чугунной лестнице. Лифт, как обычно, замер мертвой клетью между этажами.

В прихожей он прислонил байк к кирпичной кладке. С висевшего на железном крюке неопренового гидрокостюма на резиновый поддон методично капала вода. *Кап. Кап. Кап.*

Лофт был старым цехом точной механики — огромным, гулким пространством с шестиметровыми потолками, где полвека назад собирали гироскопы для флота. Под стропилами все еще темнела мощная двутавровая кран-балка. Подъемный крюк срезали автогеном, но саму балку демонтировать не стали — слишком дорого. Внизу, на полированном бетоне, делили пространство дубовый верстак с тисками, стеллажи с калибраторами и две серверные стойки с плотно упакованными графическими ускорителями. Стойки Глеб намертво вогнал в перекрытие анкерными болтами диаметром в палец еще в первый день аренды. Не ради паранойи — просто десять сотен килограммов высокотехнологичного кремния и меди не должны падать на людей ни при каких

обстоятельствах.

Он швырнул липкую майку в корзину для белья, щелкнул кнопкой кофемашины и опустил наручные часы на стеклянный стол рядом с ноутбуком.

Ноутбук не блистал гляncем: тяжелый матовый корпус ThinkPad с потертыми углами и единственной лаконичной наклейкой на крышке:

НЕ ВЕРЬТЕ. ПРОВЕРЯЙТЕ.

Глеб развернул телеметрию утренней тренировки. Красная кривая с наручного оптического сенсора билась в истерике, подскакивая до критических пиков на каждом дорожном шве и брусчатке. Синяя линия с нагрудного датчика Холтера шла ровной, мускулистой дугой. На третий монитор он вывел графики мощности на педалях и каденса.

— Лемма, дай сводку. Коротко, в блог, без академической духоты.

В тишине цеха сухо щелкнул наушник с костной проводимостью. Отозвался синтезированный голос — лишенный интонационных заигрываний, холодный и монотонный:

— Оптический датчик дает паразитный резонанс на частоте дорожной вибрации свыше сорока герц. Нагрудный электрод фиксирует истинный синусовый ритм в строгой корреляции с мощностью педалирования. Для публикации рекомендую приложить сырые логи.

— Добро. Оформи в пост.

Лемма не была виртуальной секретаршей и не притворя-

лась всезнающим оракулом. Глеб собирал этот аналитический комплекс пять лет, потому что не хотел получать от машины красивый ответ без следов работы.

В основе Леммы лежала **KAN** — сеть Колмогорова — Арнольда. Для Глеба важна была не вывеска, а привычка системы раскладывать вывод: вот источники, вот зависимость, вот место, где данных не хватает. Другие модели могли быть полезны, но слишком часто оставляли ему одну фразу без понятного пути к ней. Лемма должна была показать путь и предупредить, где он ненадёжен.

Она сверяла первичные публикации, метаданные файлов и цепочки цитирования. Легковесный клиент работал на его ноутбуке; тяжёлые расчёты уходили в кластер Дениса и на несколько арендованных узлов. Без сети Лемма не исчезала — просто теряла скорость и доступ к внешним архивам.

Математическая «лемма» — вспомогательное утверждение, без которого не складывается доказательство. Название Глеб выбрал именно поэтому: не верить выводу на слово, пока не видно, на чём он стоит.

Основной капитал Глеб заработал на чужих инфраструктурных катастрофах. Крупные корпорации и финтех-платформы нанимали его, когда их распределенные реестры трещали по швам, базы данных расходились в неконсистентные состояния, а безопасники судорожно искали, чья именно рука подписала скомпрометированный сертификат. Несколько лет назад они с Денисом написали TraceForm — прото-

кол криптографической неизменяемости системных журналов. Проект выкупил швейцарский консорциум. Вырученной доли и редких закрытых контрактов Глебу с лихвой хватило, чтобы оборудовать эту лабораторию, скупить вычислительные мощности и навсегда забыть о необходимости просить в долг.

Пальцы привычно легли на механическую клавиатуру. Он открыл канал «Нулевая гипотеза»:

Два датчика. Один удобный самообман.

>

Часы утверждают, что я находился в шаге от фибрилляции желудочков на ровном асфальте. Нагрудный электрод показывает штатную работу сердца на затяжном подъеме.

>

Человеческой натуре свойственно верить второму показанию — оно комфортнее. Но комфорт не является критерием истины.

>

Когда приборы противоречат друг другу, вам необходим независимый арбитр: прямая спирометрия, физиологический отклик, перекрестная калибровка. И главное — готовность признать, что дефектным оказался не инструмент, а ваша собственная интерпретация.

>

Он прикрепил сырые файлы дампов, графики и завершил запись неизменным кредо:

Не верьте. Проверьте.

>

Реакция сети последовала незамедлительно. Сначала в комментариях завязалась рутинная драка биохакеров и гиков спортивной телеметрии. Но уже через двадцать минут ленту захлестнула мутная волна паранойи.

Всплыл замусоленный скриншот: Дональд Трамп на Южной лужайке Белого дома в окружении трех неестественно высоких фигур с молочно-белыми волосами в алых мундирах викторианского кроя. Текст гласил, что кадр был слит инсайдером и удален спецслужбами через семь секунд после публикации.

Глеб препарировал этот визуальный мусор еще в начале лета. У левой фигуры золотые застёжки на мундире меняли геометрию между соседними версиями; ветка на переднем плане бесшовно прорастала сквозь шерстяную ткань рукава; диффузная текстура кожи при десятикратном приближении превращалась в характерный для генеративных сетей пластилин, а на кисти насчитывалось то четыре, то шесть пальцев.

Ни RAW-исходника, ни архивного следа в Wayback Machine, ни валидной цифровой подписи в метаданных EXIF.

Тогда он резюмировал в отчете: *«Данное изображение доказывает не тайную аудиенцию, а лишь то, что генеративные алгоритмы научились правдоподобно имитировать*

фактуру сукна».

В ответ толпа объявила его слепым и купленным. Это слово всегда вызывало у Глеба горькую усмешку: люди, не способные отличить артефакт сжатия от реального объекта, свято верили, что за их разоблачение кто-то платит миллиарды.

Теперь к мертворожденному фейку прикрутили свежий заголовок, набранный капслоком:

«СНАЧАЛА БЕЛЫЕ В КРАСНОМ. ЗАТЕМ — СЕМЬ СЕКУНД БЕЗДНЫ».

Следом шел скан новогодней обложки *The Economist*. Кто-то густо измазал графику красными кругами, привязав случайные штрихи к жирной цифре «7» и снабдив подписью: **«ОНИ ПРЕДУПРЕДИЛИ ЕЩЕ ЗИМОЙ».**

Глеб открыл оригинальный типографский разворот в высоком разрешении. Ни стрелок, ни скрытых меток времени. Обычный коллаж, в который сетевой мистификатор вбил нужные маркеры, скормив их жадной до апокалипсиса публике.

— Лемма. Источник мутации обложки.

— Первичная публикация — восемь часов назад. Анонимный канал с датой регистрации «вчера». Девятьсот сорок семь прямых репостов за первые часы.

— Классический посев через бот-ферму, — пробормотал он.

Но истинным психозом дня стал так называемый «Project Anchor».

Минималистичный белый постер: векторный логотип NASA с синей сферой, полоса предупреждающего карминового цвета и жесткая типографика по центру:

**12 AUGUST 2026. 17:47:05 UTC. GLOBAL GRAVITY
INTERRUPTION. DURATION: 7 SECONDS.**

По петербургскому времени — ровно 20:47:05.

До контрольной отсечки оставалось меньше двенадцати часов.

Информационное безумие в комментариях перешло в фазу коллективного делирия. Сотни каналов наперебой публиковали инструкции: заколотить окна досками, лечь лицом в пол, обесточить щитки, привязать детей грузовыми стропами к столам и наполнить ванны водой. Другие вещали о квантовом скачке в параллельную реальность. Третьи приплетали CERN, тайное климатическое оружие и смещение магнитных полюсов.

Глеб вскрыл этот постер до последнего байта еще на рассвете. Векторную эмблему NASA содрали со старого пресс-релиза. Имя подписанта — несуществующий сотрудник, профиль которого в соцсетях был зарегистрирован сорок восемь часов назад. Стилль служебной записки грубо нарушал внутренний протокол агентства.

Фальшивка была очевидной. Дешевой.

Но в ней оставалась одна деталь, которая сидела в мозгу, словно заноза под ногтем.

Точность времени.

Секунда. Доли секунды. Ни один рядовой генератор бреда не ставит тайминг с точностью до 17:47:05 UTC без конкретной привязки к расчету или чужому триггеру.

— Лемма, вскрой генезис временной метки.

На центральном мониторе всплыли три строки анализа логов:

ДАННЫЕ

\[01\] Ранний маркер содержит исключительно дату и время UTC.

\[02\] Графика с атрибутикой NASA сгенерирована спустя сорок три минуты.

\[03\] Первичный узел публикации уничтожен. Дамп недоступен.

Челюсти Глеба сжались.

Сначала кто-то хладнокровно вбросил в закрытую сеть голые цифры. Словно координаты удара. И лишь спустя сорок три минуты вторичные манипуляторы облепили их логотипами космических ведомств, байками про отключение гравитации и истерией судного дня.

Графика была грязным фейком. Но откуда взялась исходная хронометрическая координата?

— Выведи самый ранний слепок. И дату его первой публикации.

На черном поле экрана зажглась копия сообщения из закрытого топика. В углу стояла дата: **10 августа, 02:13 UTC. 12.08.2026 — 17:47:05 UTC. НЕ СМОТРИТЕ ВВЕРХ.**

Ни подписи. Ни ключа. Ни ссылок.

Глеб наклонился к терминалу, вглядываясь в технические заголовки фрейма:

— Посмотри на полезную нагрузку. Сообщение зашифо в нестандартный пакет. Это не браузерный постинг и не бот из мессенджера. Отправляли через самописный консольный клиент на старой криптографической библиотеке.

— Подтверждаю, — отозвалась Лемма. — Маршрутизация затерта через цепочку узлов, но заголовок рукопожатия содержит редкий отпечаток: TLS-0x4A. Пакет ушел в анонимную сеть без данных об отправителе.

— Зафиксируй эту сигнатуру TLS-0x4A в локальном трекере, — приказал Глеб. — Если этот софт еще хоть раз моргнет в нашей зоне видимости, дай знать мгновенно. Работаем с тем, что можно пощупать.

Ему нравилась эта холодная строгость Леммы: никаких домыслов там, где нет физических доказательств.

Глеб выставил студийный свет, повернул камеру и положил перед собой распечатанный макет и терминал:

— В двадцать сорок семь я выйду в прямой эфир и разберу так называемый «Project Anchor» по пунктам. NASA никогда не выпускало этого документа. Время на картинке — искусственный психологический триггер, а не расчет. Не лезьте на крыши. Не скупайте анкеры и «гравитационные крепления» у сетевых мародеров. Не запирайте детей в ванной. Дождитесь контрольной отметки и научитесь смотреть

на факты, а не на собственные страхи.

Он отсмотрел черновик. В первом дубле концовка звучала язвительнее: *«Люди, которые рисуют вам конец света, должны хотя бы раз посмотреть на часы вместе с вами»*.

Глеб безжалостно стёр эту фразу. Звучало так, будто он пришёл не объяснить людям опасность, а выиграть спор.

Телефон на верстаке коротко зажужжал. На заблокированном экране всплыло имя сестры:

Маша: *Мама спрашивает, ты ведь сегодня ничего не взрываешь и не запускаешь в сеть?*

Глеб оперся бедром о верстак, глядя на экран.

Материнский страх был понятен. В ее глазах его жизнь состояла из громоздких серверных стоек, оголенных проводов, осциллографов и вечных стримов со словами: «А теперь проверим под нагрузкой». Для человека эпохи аналогового телевидения грань между стендовым тестом высоковольтного реле и рукотворным апокалипсисом была размыта до предела.

Глеб: *Маш, успокой ее. Я дома. У меня нет установки, способной отключить земную гравитацию.*

Через пять секунд загорелись три точки:

Маша: *Набери ее сам. Твой голос на нее действует лучше любых таблеток.*

Он набрал мать, проговорил спокойные две минуты, заставив ее выпить чай и выключить новости. Затем выдвинул ящик верстака и убрал пожелтевшую папку с архивным

делом «Фонд 44-ОП, Опись 2, Дело 117». Скан этих немецких протоколов сорок четвёртого года два года назад при­слал чешский историк-любитель; Глеб так и не выяснил, как копия советского трофейного дела попала к нему. Немецкие бумаги могли подождать. Сегодняшняя ложь требовала немедленного вскрытия.

За окнами старого цеха августовский Петербург жил своей тяжелой, размеренной жизнью. Синий автобус с воем протаскился по набережной. На противоположной стороне канала грузчики методично выгружали коробки из фургона. Низкие свинцовые облака цеплялись за заводские трубы, но к вечеру барометр обещал прояснение. Белые ночи давно истаяли; после девяти город провалится в глухую тьму.

Глеб бросил взгляд на настенный хронометр. До контрольной точки — 20:47:05 по Петербургу — оставалось всего несколько часов.

В двадцать сорок семь он докажет многотысячной аудитории простую истину: даже самая безупречно рассчитанная секунда не превращает ложь в законы физики.

Глава 2. Семнадцать сорок семь

12 августа 2026 года. Санкт-Петербург. 20:12 MSK.

К восьми вечера воздух в лофте стал густым и душным, будто перед сухой грозой.

Глеб находился в помещении один, но физическое присутствие толпы ощущалось кожей через мерцание мониторов. В комнате ожидания трансляции застыло восемьдесят четыре тысячи человек. Утром он планировал рядовой технический разбор для полутора сотен завсегдатаев своего блога. Теперь в его канал хлынули десятки тысяч чужаков: одни жаждали крови и скорого апокалипсиса, другие — циничного разоблачения, третьи пришли лишь затем, чтобы увидеть неприкрытый страх на лице незнакомого человека в назначенную секунду.

Он зафиксировал телефон на штативе с матовым кольцевым светом. Рабочее пространство экрана разбил на три строгих окна: векторный макет фальшивки «Project Anchor», официальный портал NASA без единого следа экстренных бюллетеней и сводную таблицу сетевых узлов, первыми запустивших информационную волну.

В четвертом квадранте тускло горел скриншот первичного вброса. Глухой черный фон. Белый рубленый шрифт. Единственная строка:

12.08.2026 — 17:47:05 UTC. НЕ СМОТРИТЕ ВВЕРХ.

Ни цифровой подписи. Ни ссылки. Никаких обещаний того, что именно произойдет, когда минутная стрелка совпадет с делением.

Лишь позже манипуляторы прикрутили к этим сухим координатам эмблемы аэрокосмических ведомств, байки про семь секунд невесомости, сгенерированных мутантов в алых мундирах и дешевый эсхатологический ужас.

Слишком скудно для научной гипотезы.

Слишком пугающе точно, чтобы списать на случайность.

Глеб коснулся гарнитуры.

— Лемма. Хронология неизменна? Макет «Anchor» появился строго после текста?

— Разрыв составляет сорок три минуты двадцать две секунды, — ровно отозвался алгоритм.

— Временная метка фигурировала в открытом сегменте до этого момента?

— Индексация нулевая.

— Статус графического документа?

— Компиляция. Вероятность подлинности релиза NASA стремится к нулю.

— Прекрасно. С этого и начнем.

Канал связи замолк. Лемма была избавлена от человеческих обид и сомнений. Но в глубине души Глеб ловил себя на странном желании услышать от нее возражение. Мыслить куда безопаснее, когда рядом есть холодный наблюдатель, способный вовремя отрезать: *«Ты подгоняешь факты*

под желаемый ответ».

Экран вспыхнул входящим вызовом по зашифрованному каналу. Денис.

— Ну что, готов примерить лавры главного еретика вечера? — спросил партнер без предисловий.

— Я собираюсь наглядно показать, что законы гравитации не отменяются через телеграм-посты.

— Для перепуганного стада это одно и то же, — отрезал Денис.

Он сидел в аппаратной серверного узла. За его спиной во тьме пульсировали зеленые и янтарные индикаторы дисковых массивов. Денис обладал редким свойством анатомировать любые катастрофы так, словно констатировал клинические симптомы: зло, сухо, без метафор и жалости.

— Ты проверил первичный узел? — спросил Глеб, не отрывая взгляда от мерцающего графика сетевых пакетов.

— Проверил, — голос Дениса в наушнике звучал глухо, с фоновым шелестом серверных вентиляторов. — Чистый самописный софт, многослойный луковый туннель, нулевой лог авторизации. Обычный анонимный огрызок текста с датой и секундой. Сам по себе этот таймкод в темной ноде не доказывает ровным счетом ничего: ни гравитационной аномалии, ни вмешательства спецслужб. Ты ведь не делаешь из этого культ?

— Не делаю, — коротко бросил Глеб.

— Делаешь. Ты отвечаешь на секунду быстрее обычного,

а твои пальцы барабанят по столу. Я знаю этот звук: ты так стучишь, только когда архитектура не сходится с твоей идеальной картиной мира.

Глеб машинально убрал руку со столешницы. Пальцы действительно выбивали рваный, нервный ритм.

— Дело не в вере, Денис. Дело в математике. Любой сетевой фрикер, рисуящий конец света, пишет «в полночь», «в полдень» или ставит ровные нули, чтобы нагнать жути. Ни один идиот не высчитывает случайное время с точностью до пяти секунд: семнадцать сорок семь ноль пять. Это не пророчество. Это чертов таймер запуска процесса, о котором мы пока ничего не знаем.

— Или это идеальная приманка для таких дотошных скептиков, как ты, — жестко парировал Денис. — Человек бросил тебе наживку с долями секунды, зная, что ты зацепишься именно за цифры и сам раздуешь вокруг этого эфира на полмиллиона зрителей.

Глеб отвел взгляд к окну.

Внизу, в сыром фабричном дворе, сгущались сумерки. У парадной жались люди, не отрывая лиц от светящихся экранов. Мужчина на первом этаже торопливо крепил серый упаковочный скотч крест-накрест на оконные стекла. По переулку пронесся парень на самокате, ведя стрим на вытянутой руке и нервно выкрикивая в объектив банальности про «спокойствие духа». Навстречу ему шла женщина, прижимая к груди тяжелую спайку бутилированной воды. Город замирал

в липком, нерассуждающем ожидании.

— Скажи прямо, что ты видишь по сети, — произнес Глеб.

— Вижу классический социальный эксперимент, завязанный на страхе неизвестности. Вижу безупречно рассчитанный тайминг и грязную подделку на выходе. И еще: сегодня тебе нельзя трогать силовые стенды, подавать фазу на макеты и вообще совать пальцы в розетку. Если что-то щелкнет в твоём районе, толпа назначит виновным тебя.

— Я не собирался ничего включать.

— Вот и держи руки на столе. И потуши удаленные ветки Леммы.

Глеб насторожился:

— Зачем?

— Потому что после твоего анонса по внешним портам пошли запросы. Это не школьники из комментариев. Это профессиональное сканирование. Очень тихое, с хорошими эксплойтами. И самое скверное: сетевой стек нападающих использует тот же редкий криптографический заголовок рукопожатия, что и утренний вброс таймкода. Сигнатура TLS-0x4A. Тот же терминал щупает наши внешние порты.

Глеб бросил взгляд на терминал с картой входящих сессий, которую переслал Денис. Аномальные пакеты шли через транзитные шлюзы, методично обходя базовые фаерволы.

— Гаси кластер, — скомандовал Глеб.

— Не весь. Локальное ядро на твоём ThinkPad оставляем. Смартфон тоже. Если магистральные каналы лягут, ты хотя бы сохранишь базовый анализатор.

— Ценю заботу.

— Я забочусь о железе. И мне крайне не нравится, когда в наши базы заглядывают чужие глаза без ордера.

Они синхронно сбросили ключи авторизации двух удаленных серверов. Отклик Леммы мгновенно просел: сетевые базы данных схлопнулись, изолировав локальную копию. На ноутбуке осталась лишь усеченная версия аналитического модуля — строгая, жесткая, достаточная для прямого эфира.

— Денис.

— На связи.

— Если в двадцать сорок семь не произойдет ничего, я публично признаю, что перестраховался из-за одной строчки в I2P.

— А если стрелка сойдется?

Глеб посмотрел на распечатку постера на верстаке.

— Тогда происхождение картинки станет наименьшей из наших проблем.

В трубке повисла тяжелая пауза.

— Трезво. Но паршиво. Набери меня, как только отключишь камеру.

Канал разъединился.

Глеб убрал лишний силовой провод за ножку стола, отодвинул остывшую кружку и сел прямо перед объективом. Те-

лефон на верстаке задрожал.

Маша: *Мама звонила?*

Глеб: *Я ей уже писал. Всё под контролем.*

Маша: *Она замолчала и ходит по квартире на цыпочках. Когда она прячет панику, это в сто раз страшнее.*

Он набрал материнский номер сам. Гудок не успел завершиться.

— Глеб?

— Мам. Я на секунду — услышать твой голос.

— Мы дома. Я... я выключила газ и сняла чайник с конфорки.

— Зачем, мам?

— Мало ли что со связью или сетью. И отец просил передать: если ты снова собрал в цеху какую-то установку — выдерни шнур. Ради бога.

Глеб устало потер переносицу.

— Мам, я сижу за столом с кружкой воды. Никаких стендов. Никаких опытов. Я просто объясню людям, почему этот документ нарисован в графическом редакторе.

— Ты точно знаешь? — в ее интонации не было упрека, лишь выматывающая, глухая тревога.

— В отношении бумаги — абсолютно. В отношении остального мира — увидим через полчаса. Велосипед на замке, я никуда не выхожу.

— Хорошо. Позвони сразу после эфира.

— Обязательно.

Он положил трубку на полированный дуб верстака и замер. Тишина в помещении нарушалась лишь мерным гулом охлаждения графических процессоров.

На экране ноутбука всплыло системное уведомление Леммы:

ДАННЫЕ

\[ALERT\] Фиксируется лавинообразный рост сброса регламентных задач в региональных диспетчерских сетях.

— Детализируй, — негромко произнес он.

Строки лога выстроились в ровный список. Балтийская энергосистема отменила плановую вечернюю переброску мощностей. В закрытых чатах метрополитена дежурным операторам предписали оставаться на постах ручного торможения состава. На железнодорожных узлах нескольких округов электронную маршрутизацию перевели на дублирующие механические реле.

Формально каждый шаг укладывался в рамки служебных инструкций. Аппаратура сбоит. Диспетчеры перестраховываются. Бюрократия защищает сама себя.

Но временная граница во всех закрытых распоряжениях совпадала с пугающей монолитностью.

До 20:47:05.

— Это может быть вторичный резонанс сетевого психоза, — вслух рассудил Глеб.

— Вероятность существует, — отозвалась Лемма.

— Диспетчеры читают те же каналы и страхуют свои сме-

ны.

— Да.

— Либо кто-то на уровне руководства владеет непубличным регламентом.

Пауза в наушнике длилась две секунды.

— Данных недостаточно, чтобы подтвердить одну из версий.

Глеб криво усмехнулся:

— Радует, что хотя бы у тебя нет нервных окончаний.

Хронометр в трее показал **20:42:00**. Он щелкнул тумблером «Начать трансляцию».

Счетчик зрителей сорвался с цепи: сто двадцать тысяч, сто восемьдесят, двести сорок... Цифры обновлялись быстрее, чем интерфейс успевал их отрисовывать. В окне просмотра Глеб увидел свое отражение: темная футболка, влажные после тренировки волосы, жесткая тень под скулами от бокового света. Позади — кирпич, матовая сталь стоек, анкерные болты в бетоне и черная кран-балка под потолком.

Ни декораций секретного бункера. Ни мистических артефактов.

— Добрый вечер, — начал он, и собственный голос прозвучал неожиданно сухо и твердо. — Если вы пришли сюда в надежде увидеть, как через пять минут гравитация перестанет прижимать вас к полу, я вынужден вас разочаровать. Агентство NASA не выпускало предупреждений. Вот ори-

гинальный бланк служебного сообщения. Вот несовпадение типографских гарнитур. Вот первичные IP-адреса бот-сети, разогнавшей вброс.

Чат трансляции превратился в ревущий поток бегущих строк:

«У него руки трясутся»

«Почему ты вышел в сеть именно в эти минуты?!\»

«Покажи, что спрятано под верстаком!\»

«На Васильевском только что погасли фонари...»

Глеб сделал медленный глоток из стакана.

— Я вышел в эфир только потому, что манипуляторы называли точное время. Когда толпе скармливают хронометраж с точностью до секунды, критическое мышление отключается первым, уступая место панике. А на панике всегда кто-то зарабатывает. Это единственная аксиома, доказанная экспериментально.

Он вывел на общий экран увеличенный фрагмент нейросетевого коллажа с беловолосыми фигурами:

— Вот этот снимок — синтетический мусор. Факт его подделки не опровергает существования кулуарных встреч, но этот файл не может служить их доказательством. Научитесь разделять объект и его фальсификацию.

В ленте мелькнуло сообщение:

«А если картинку слили специально, чтобы такие умники, как ты, увели людей от правды?»

— В таком случае у авторов слишком много лишнего вре-

мении и слишком мало понимания физики, — холодно парировал Глеб. — Требуйте исходники, а не мифы.

В чате промелькнула волна ироничных смайлов. Напряжение на мгновение спало.

Глеб бросил взгляд на системные часы в правом верхнем углу.

20:45:51.

Снизу, из темного подъезда, донесся глухой, тяжелый удар захлопнувшейся металлической двери. Следом — еще один. Где-то во дворе сорвался на крик женский голос, зовущий ребенка домой.

Глеб поднял раскрытую ладонь перед объективом:

— Если вам не по себе — не пытайтесь играть в героев. Отойдите от оконных проемов. Не выходите на балконы. Не держите детей на руках возле лестничных пролетов. Просто проверьте близких. Это базовые правила безопасности, актуальные и без конца света.

В правом углу всплыло короткое push-уведомление:

Маша: *Мы смотрим тебя всей семьей.*

Он едва заметно кивнул в черную точку объектива:

— Через шестьдесят секунд таймер обнулится, и мы продолжим жить в том же предсказуемом мире, — произнес Глеб. — А завтра утром начнем методично разбираться, кому понадобилось ставить на уши половину планеты.

В наушнике раздался сухой щелчок. Голос Леммы прозвучал неестественно четко, прорезав фоновый шум:

— Глеб. Входящая сессия. Зафиксирован клиентский отпечаток TLS-0x4A. Тот же редкий клиент, с которого 10 августа ушёл исходный таймкод, сейчас подключился к прямому сокету вашего эфира.

Сердце пропустило удар.

На системном хронометре застыло:

20:46:38.

Глеб смотрел на безжалостно сменяющиеся цифры. Человек, знавший секунду, пришел лично проверить, сработает ли расчет. И впервые в жизни Глеб чувствовал, как внутри него рушится вера в то, что мир подчиняется исключительно формальной логике.

Глава 3. Семь секунд

12 августа 2026 года. Санкт-Петербург. 20:46:42 MSK.

— До расчетной отсечки — двадцать три секунды, — произнес Глеб в объектив. Голос звучал ровно, но в горле стоял сухой ком. — Законы физики не отменяются через телеграм-мемы. Если через полминуты мир останется стоять на месте — а он останется, — выключайте экраны и идите к семьям.

Счетчик зрителей захлебывался: *312 400 подключений*.

Чат трансляции превратился в сплошную белую полосу — матрица монитора не успевала отрисовывать поток входящих реплик.

20:46:55.

В наушнике с костной проводимостью сухо шелкнуло.

— Зафиксирован широковещательный пакет с контрольного узла TLS-0x4A, — голос Леммы прозвучал монотонно. — В теле пакета только шестнадцатеричный хеш инициации. Тот же клиент замкнул сессию.

Глеб не успел разомкнуть губы.

20:47:05.

С хлопком выбило светодиодный свет. За окном в ту же секунду погасли набережные, мосты и окна домов напротив. Над каналом ещё держался тусклый синий августовский сумрак, но город лишился привычных огней.

Осталось только бледное свечение экрана ThinkPad, державшегося на батарее.

А потом пол перестал быть опорой.

Не обрушился. Не ушёл вниз. Он ударил Глеба снизу коротким толчком — будто невидимая ладонь подхватила его под подошвы. Ноги потеряли сцепление, желудок подбросило к горлу, и тело поплыло вверх вместе со всем, что не было прикручено или зажато.

Первая секунда.

Рабочий стул оторвался от пола и медленно ушёл в сторону. Кружка поднялась над верстаком; вода выкатилась из неё тёмной сферой. Листы распечаток закружились в воздухе.

Вторая секунда.

Снизу, из жилых подъездов, донеслись скрежет и звон. На набережной машины потеряли сцепление с дорогой: подвески разжались, кузова приподняло, колёса заскользили по асфальту.

Третья секунда.

Глеб уже был выше верстака. Он вытянулся всем телом и поймал нижнюю полку двутавровой кран-балки. Ржавый металл сорвал кожу с ладоней. Он подтянулся, закинул ногу на профиль и прижал к нему бедро.

Внизу в темноте плавали гаечные ключи, отвертки и кабели. Но две серверные стойки стояли намертво: анкерные болты диаметром в палец держали рамы без малейшего люфта.

Четвертая секунда.

Он лежал грудью на двутавре, прижавшись ухом к металлу. С улицы сквозь щели в окнах донесся слитный, первобытный крик тысяч людей, оторвавшихся от земли.

Пятая секунда.

Телефон на штативе продолжал писать видео: пустой стол, кружащие черновики и водяные сферы над клавиатурой.

Шестая секунда.

В наушнике сквозь дикий треск наводок пробился голос Леммы:

— Фиксирую аномалию, пришедшую извне. Причину определить не могу.

Седьмая секунда.

Невидимый толчок исчез.

Обычный вес вернулся вместе с движением, которое он успел набрать. Глеба дёрнуло вниз; лбом он ударился о край балки, почувствовал тёплую кровь над левой бровью, но замок из рук и ног выдержал. Он остался лежать на верхнем поясе двутавра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.